КУРС НА ЗАКРЫТИЕ

СОЛНЦЕВА М.В.

Маргарита Солнцева

Курс на закрытие

https://litres.ru/74898969
SelfPub; 2026

Аннотация

Четвёртого декабря из валютного счёта филиала банка в Цюрихе уходит миллион двести сорок тысяч евро — по контракту, паспорт которого закрыт неделю назад. Аудитор, заметивший это первым, исчезает. Экономист валютного отдела Ася Погодина начинает сверять бумаги и попадает в кольцо, где всё настоящее: подписи, печати, кредиты, залоги, легализация. Кроме денег.

Содержание

Сюжет 4
Глава 1. Закрытие операционного дня 6
Глава 2. Лоро и ностро 19
Глава 3. Назначение платежа 32
Глава 4. Инкассо 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Маргарита Солнцева
Курс на закрытие

Сюжет

Четвёртого декабря из валютного счёта филиала банка в Цюрихе уходит миллион двести сорок тысяч евро — по контракту, паспорт которого закрыт неделю назад. Аудитор, заметивший это первым, исчезает. Экономист валютного отдела Ася Погодина начинает сверять бумаги и попадает в кольцо, где всё настоящее: подписи, печати, кредиты, залоги, легализация. Кроме денег.

Главные герои: *Анастасия Сергеевна (Ася) Погодина, двадцать девять лет, экономист валютного отдела филиала: ведёт девяносто два паспорта сделки и жёлтую тетрадку с восемью колонками. Станислав Эдуардович Крамской, начальник валютного отдела, двадцать второй год в банке, правило «документ — это не бумага, документ — это дата». Людмила Сергеевна Пахарева, операционный отдел, ведёт книгу картотеки, умеет объяснять счета так, что становится страшно. Ольга Гунько, операционист за третьим окном: знает всё, что в филиале говорят вслух. Клавдия Егоровна Ситникова, кассир-валютчик, тридцать один год за кассой. Валерий Тимофеевич Круглов, внутрен-*

ний аудитор, который просил журнал учёта векселей и исчез. Пётр Аркадьевич Сажин, служба безопасности филиала, двадцать лет в полиции до этого. Сергей Дмитриевич Оборин, заместитель управляющего, «наш человек в самолёте». Артур Янович Бекман, советник торгового представительства. Марьяна Олеговна Кром, атташе консульского отдела, которая ведёт журнал рукой. Григорий Львович Бурмистров по кличке Гриша Бурый и Саша Михельсон — охранное предприятие «Ратник-С». Дмитрий Аркадьевич Мосин, юрист филиала. Виктор Кузьмич Ремез, клиент, который платит за охрану двух киосков три с половиной миллиона в год. Андрей Петрович Верещагин, управляющий филиалом, пятьдесят один год, правило: «в банке не бывает ошибок, бывают неточности в оформлении». Нелли Робертовна Гайдук, главный бухгалтер, девятнадцать лет ведёт вексельный журнал серии КИ. Ирина Анатольевна Сомова, начальник кредитного отдела. Кристина, секретарь заместителя управляющего, ведёт протоколы кредитного комитета. Лида, канцелярия, номенклатура дел. Бабенко, СВИФТ-оператор.

Глава 1. Закрытие операционного дня

В филиале на Первомайской операционный день начинается не тогда, когда открываются двери, а тогда, когда уходит первый рейс.

Рейс — это не поездка и не машина. Рейс — это время, до которого платёж должен уйти в расчётную сеть: в одиннадцать, в пятнадцать и в семнадцать. Платёж, ушедший после рейса, уходит в завтра, а в завтра у филиала другой остаток на корреспондентском счёте и другой человек, который за этот остаток отвечает.

Анастасия Сергеевна Погодина приходит в банк в двадцать минут девятого, за сорок минут до рейса. За сорок минут можно выпить чай, посмотреть почту и понять, что день будет плохой.

— Погодина, — говорит Крамской из своего кабинета, не поднимая головы от бумаг. — Ты почему в шарфе?

— На улице минус восемнадцать.

— В филиале плюс двадцать два. У нас клиенты, а ты в шарфе, как будто пришла не работать, а провожать.

Ей двадцать девять лет. Она экономист валютного отдела, в банке с двухтысячного года, то есть седьмой год, и все эти семь лет её спрашивают одно и то же: почему она не уехала в

головной офис и почему валютный контроль в филиале держит не отдел, а один человек с тетрадкой.

Ответ простой. Валютный контроль — это не должность, это привычка сверять.

Валютный отдел филиала — это три комнаты на третьем этаже: комната Крамского, операционный зал, где за стеклом сидят девчонки, и её кабинет — семь метров, стол, сейф, счётное устройство с отломанной ручкой и девяносто два паспорта сделки в двух папках.

Паспорт сделки — это не разрешение и не пропуск. Это карточка, которую банк заводит на каждого клиента, который что-то покупает или продаёт за границу. В паспорте сделки написано всё, что нужно знать банку: кто, с кем, на сколько, чем платит и к какому сроку обязан привезти выручку. Пока паспорт сделки открыт, банк следит за клиентом. Пока он открыт, у банка есть рычаг.

У Аси их девяносто два. Она помнит из них, наверное, тридцать: кто ввозит оборудование, кто продаёт лес, кто гонит металлолом в Турцию и уже второй год не может привезти деньги.

Она вешает шарф на спинку стула — назло Крамскому, потому что шарф на спинке стула не на ней, — включает лампу, открывает сейф, вынимает жёлтую тетрадку на пружине и кладёт её слева, под правую руку.

Тетрадка стоит тридцать восемь рублей и куплена в «Канцлере» на углу три года назад, вместе с ручкой и короб-

кой скрепок. На первой странице её рукой выведено: «Сверка сомнительных. С 12.05.04».

Внутри — колонки: дата, контрагент, сумма, основание, чем подтверждено, что сделано.

Двенадцать строк с две тысячи четвёртого года. Немного, если считать, что через филиал за месяц проходит триста платежей. Много, если понимать, что каждая строка — это платёж, за который никто, кроме неё, не расписался.

Тетрадка появилась не от хорошей жизни.

В две тысячи третьем она была девочкой после финансового факультета, второй месяц на работе, и ей отдали вести паспорта сделок — потому что вести паспорта сделок никому не хотелось. И в конце августа пришёл платёж: восемьдесят тысяч долларов от фирмы с названием из двух слов, оба слова были «торг». Платёж надо было провести до пятнадцати, Крамской уехал в головной офис, а паспорт сделки по этому контракту ей пообещали «поднести после обеда».

Она провела. Паспорт не поднесли ни после обеда, ни через неделю, ни через месяц.

Через месяц пришла проверка, и выяснилось, что паспорта сделки не существует, а платёж — существует, и он уже прошёл в сеть. И на разборе ей объяснили, что молодая сотрудница нарушила порядок, а банк, конечно, виноват, но кто именно в банке — непонятно.

Она сидела и слушала, как взрослые люди по очереди говорили одно и то же слово: «досадно».

Спасло её то, что на платёжке была подпись получателя и дата, а в её рабочей тетради — запись, когда она эту платёжку видела первой. Её тогда не уволили. Её просто полгода не отправляли в отпуск и три года не давали премию.

С тех пор она не провожает ничего, чего нельзя сверить. И с тех пор у неё тетрадка.

Крамской говорит про это иначе:

— Ты не контролёр, ты Плюшкин. Ты собираешь сомнительное в тетрадку, а половина сомнительного — это нормальная работа, в которой просто нет второй подписи.

— Нормальная работа с двумя подписями меня не беспокоит, — отвечает она.

— Нормальная работа с двумя подписями тебя как раз должна беспокоить, — говорит Крамской и уходит курить в форточку.

Он начальник валютного отдела, ему сорок восемь, в банке он двадцать второй год, начинал ещё в Промстройбанке, когда слово «корсчёт» произносили по слогам. У него правило: «Документ — это не бумага. Документ — это дата». Он может сорок минут объяснять клиенту, почему платёж от четвёртого числа нельзя оформить третьим, и ни разу не повысить голос.

Он же научил её главной формуле, которая потом пригодилась в жизни больше, чем университет:

— Погодина, у нас тут не продают и не покупают, у нас подтверждают. Клиент приносит бумагу, мы подтверждаем,

что она есть, и на этом наша совесть кончается. Ты отвечаешь не за то, что написано. Ты отвечаешь за то, что это написано у нас — в нужном месте, в нужную дату.

— А если написана неправда?

— Тогда за неправду отвечает тот, кто подписал. Мы отвечаем за то, что подпись на месте. — Он затянулся в форточку и добавил: — Только ты не радуйся. На месте подписи у нас чаще всего стоит фамилия того, кто её проверял.

Во вторник, четвёртого декабря, в филиале было как обычно: тридцать девять клиентов, из них одиннадцать — валютные, из одиннадцати — восемь нормальных, один ленивый, один богатый и один Виктор Кузьмич Ремез.

Ремез пришёл в четверть двенадцатого, через пятнадцать минут после того, как ушёл первый рейс, и принёс платёж на двести девяносто тысяч рублей. Платёж был нормальный: за аренду, по договору, с актом, всё как надо. Ненормальным было его поведение.

— До обеда нужно, — сказал он Асе, положив локоть на стойку так, чтобы загородить ей половину коридора. — Вот тут подпись, тут печать, тут всё. До обеда, Анастасия Сергеевна. Мне в два надо быть у зятя.

— Второй рейс в три.

— В три у меня будет поздно.

— Значит, в три, — сказала Ася. — Виктор Кузьмич, вы двадцать лет платите через нас, вы же знаете, что до рейса нельзя ускорить, а после рейса нельзя вернуть.

Ремез постоял, посмотрел на неё и сказал уже другим голосом, тише и почти жалобно:

— Погодите вы с рейсами. Мне бы это до обеда, потому что если оно уйдёт после обеда, оно уйдёт как третье, а как третье — оно уйдёт как последнее.

У Аси что-то дрогнуло под ложечкой. Она видела раньше, как взрослые мужчины ругаются, торгуются и названивают, но чтобы клиент с идеальным платёжком просил поставить его в очередь раньше — такого не было.

Она взяла его платёжку и всмотрелась в реквизиты получателя.

Получатель — ЗАО «Ратник-С», услуги охраны. Двести девяносто тысяч. Итого за год Ремез заплатит этому «Ратнику» примерно три с половиной миллиона, а по объектам у Ремеза два киоска и один склад.

Охранять два киоска за три с половиной миллиона в год нельзя. Это не охрана. Это членский взнос.

Она вернула платёжку, не изменившись в лице.

— Второй рейс в три, — повторила она. — Платёж ваш, я его приму к трём, если вы дождётесь и подпишете ещё раз. И если к трём я увижу договор до четвёртого числа включительно, а не до тридцать первого.

— Какой договор?

— Тот, который действует до тридцать первого декабря, — сказала она. — По нему платёж платят месяцем позже, авансом, до того, как услуга оказана. Это неважно. Мне

неважно, — уточнила она, потому что это было важно, но не ей. — Мне важно, чтобы дата договора была настоящей.

Ремез забрал платёжку, повертел её и сунул во внутренний карман, а потом посмотрел на Асю с той секундной ненавистью, которую дают человеку, который сказал вслух то, что человек тщательно прятал.

— Умная, — сказал он. — В очереди у меня стоял такой же умный.

И пошёл к выходу.

Ближе к шести Ася закрывала день.

Операционный день — это не отрезок времени. Это коробка. Пока коробка открыта, в ней лежат чужие деньги, и всё, что с ними случилось, можно ещё объяснить. Закрытая коробка — это деньги, за которые отвечает один человек, и человек этот сидит за столом у окна, пьёт остывший чай и подписывает распечатку.

Закрытие устроено просто: сначала сверка, потом подтверждение остатков, потом распечатка и подпись. Сверка — это когда две бумаги говорят одно и то же. Если две бумаги говорят разное, значит одна из них врёт, и правда обычно не в той, которая красивее.

Дешёвые бумаги — это те, которые печатает её собственный принтер. Дорогие — те, что приходят извне: выписка по корреспондентскому счёту из расчётно-кассового центра, выписка по счёту в Цюрихе, реестр авизо.

Авизо не платит. Авизо сообщает, что заплатил кто-то

другой и что теперь это стоит у нас в учёте. Настоящий банк отличается от бухгалтерии тем, что у него на каждое «заплатил» есть письмо из чужого дома.

В восемнадцать пятьдесят два в реестре авизо появилась новая строка. Ася увидела её не сразу — сначала она увидела, что реестр стал длиннее на одну, и это было странно, потому что рейс ушёл в семнадцать, и все сегодняшние платежи она видела своими глазами.

Она открыла строку.

Банк: Bank Nordkreis AG, Цюрих. Счёт: наш ностро. Операция: списание. Сумма: один миллион двести сорок тысяч евро. Дата валютирования: пятое декабря. Назначение платежа — короткое, в четыре обрубленных слова, как их всегда пишут из Европы:

«PAYMENT UNDER CONTRACT 44-M METAL SCRAP».

Оплата по контракту 44-М. Металлолом.

Ася откинулась на спинку и посидела так минуту. Потом достала из папки ведомость валютного контроля за декабрь и нашла в ней сорок четвёртый.

Паспорта сделки 44-М в ведомости не было.

Ведомость валютного контроля — это не список контрактов. Это список того, за чем банк обязан следить. Филиал ведёт её с первого января и до последнего дня года, и в ней стоят все паспорта сделки, все сроки и все суммы, по которым клиент должен что-то ввезти или что-то привезти. Че-

рез неё видно всё, что банк упустил, потому что ведомость — это документ не для проверки, а для памяти.

В декабрьской ведомости было одиннадцать контрактов. Номера шли так: 41-М, 42-М, 43-М, 45-М, 46-М.

Сорок четвёртого не было.

Через двадцать минут она нашла его в другом месте: в журнале регистрации паспортов сделок за март. Строка чёрным по белому: «44-М от 12.03.2007, ООО Стройтранзит-Инвест, контракт с Riverton Investments Limited, импорт лома чёрных металлов».

И напротив, в графе «закрыт», аккуратным почерком — почерк был не её, она узнала бы свой, — «30.11.2007».

Паспорт сделки закрыли тридцатого ноября. Через четыре дня по нему прошёл платёж на миллион двести сорок тысяч евро.

Правило тут такое: если по закрытому паспорту приходит или уходит деньги, паспорт надо открыть заново, а платёж — не проводить, пока не открыт. Правило нарушено в тот вечер, когда Ася сидела на третьем этаже и подписывала распечатку.

За стеной зашумели: кончился рабочий день, из кассы понесли мешки, кто-то волоком тащил стопку чего-то тяжёлого, и в коридоре пахло снегом и мандаринами, потому что почти у всех сотрудников декабрь — это месяцы, в которые у людей каждый день мандарины.

Ася набрала внутренний операционного отдела. Людмила

Сергеевна Пахарева ответила ровно, как отвечает человек, который уже надевает пальто:

— Пахарева.

— Людмила Сергеевна, добрый вечер. По сорок четвёртому-эм в Цюрихе ушло списание, миллион двести сорок тысяч. Паспорт закрыт тридцатого ноября. Это к вам или к нам?

В трубке стало тихо. Потом Пахарева сказала:

— Насть, я уже в пальто.

— Я подожду в понедельник.

— Ага. В понедельник. — Пауза. — Только ты вот что: в понедельник ты не в понедельник пиши, а с датой фактическую дату платежа ставь. Платежи не ходят в понедельник. Платежи ходят в тот день, в который их отправили, — и она положила трубку.

Ася ещё немного посидела. Потом раскрыла жёлтую тетрадку и на следующей чистой строке написала в шесть колонок:

«04.12.07. Стройтранзит-Инвест. 1 240 000 EUR. ПС 44-М. Основание: не найдено. Авизо NOK-7741. Что сделано: спросила операционный отдел, ответа нет».

Тринадцатая строка за три с половиной года.

Она подписала распечатку, поставила в сейф папки и выключила лампу. А потом села обратно и включила компьютер ещё раз.

Внутренняя почта. Январь. Круглов Валерий Тимофее-

вич, служба внутреннего контроля:

«Анастасия Сергеевна, добрый день. Прошу выбрать для проверки операции по нерезидентам за ноябрь: контрагенты из первой части списка, сумму любую. Плюс, если не трудно, журнал учёта векселей за первое полугодие в части касающейся. Спасибо. К.»

Двадцать восьмое ноября, одиннадцать сорок. Она хорошо помнила это письмо, потому что оно ей понравилось: в нём просили два разных документа, и оба она выдала за пятнадцать минут.

Она тогда ещё подумала, что внутренний контроль в этом банке работает как старая машина: медленно, но по правилам.

Третьего декабря Круглов не вышел на работу. Четвёртого — тоже. Пятый день в банке шли разговоры о том, что Валерий Тимофеевич «взял три дня за свой счёт», и это была удобная фраза, потому что за свой счёт в декабре берут только те, кому очень надо.

Ася выключила компьютер по-настоящему. Натянула шарф, вышла на лестницу и почти сразу услышала за спиной:

— Погодина.

Внизу, на площадке между вторым и первым, стоял Сажин. Служба безопасности филиала, двадцать лет до этого в милиции, плечи в пиджаке, глаза, которые привыкли, что собеседник врет, и очень ровный голос.

— Добрый вечер, Пётр Аркадьевич.

— Уходишь последняя третий день подряд.

— У меня сверка.

— Знаю, что сверка, — сказал Сажин. — Ты в среду, двадцать восьмого, Валерию Тимофеевичу бумаги давала?

Ася сняла шарф с половины лица.

— Давала.

— Что?

— Выборку по нерезидентам и журнал учёта векселей.

— Он тебе потом что-нибудь говорил? — Сажин смотрел на неё внимательно и без нажима, как смотрят на человека, которого ещё не решили, кем считать.

— Он сказал «спасибо».

— Всё?

— Он сказал: «Спасибо, Анастасия Сергеевна. Я вам верну после того, как разберусь».

— Уже лучше. — Сажин чуть шевельнул подбородком. — Когда?

— В среду. Он уходил в девятнадцать двадцать.

— Откуда знаешь время?

— Потому что я тогда же закрывала день и видела его в окно: он шёл через парковку с пакетом. — Ася помолчала. — Пётр Аркадьевич, а заявление он на самом деле писал?

Сажин не ответил. Он смотрел на неё секунды три, потом сказал:

— Погодина, ты не спрашивай. Ты лучше сделай так, чтобы твои бумаги были у тебя, — и пошёл вниз, не попрощав-

шись.

Глава 2. Лоро и ностро

На следующее утро она первым делом не пошла в свой кабинет, а спустилась на второй этаж искать Пахареву.

Операционный отдел — это сердце филиала, только сердце это бьётся в трёх комнатах и разговаривает по девяти телефонам одновременно. Здесь считают наличные, здесь принимают переводы, здесь сидит Людмила Сергеевна Пахарева, которая работает в банке двадцать второй год и умеет разговаривать с людьми так, что ни один человек ещё не понял, отказали ему или нет.

— Доброе утро.

— Доброе, — сказала Пахарева, не поднимая головы. — Насть, я тебе вчера не соврала и не отмахнулась. Я тебе сказала: в понедельник. Сегодня у нас нет понедельника, у нас среда.

— У нас середина недели, а платёж вечер вторника.

— У нас в филиале одна платёжная единица учёта — день, — сказала Пахарева. — День, в который ты его нашла.

Она всё-таки подняла голову, посмотрела на Асю и поставила ручку в стакан — жест, которым хорошие операционисты показывают, что сделали паузу по своей воле, а не потому, что их застали.

— Давай слушай. Ты пришла ко мне с нострого счёта. Знаешь, чем ты пришла?

— Списанием.

— Ты пришла нашей репутацией. — Пахарева откинулась на стуле. — Смотри, девочка, я тебе объясню то, что тебе в институте не объяснили, потому что в институте учат счета, а не людей.

У банка есть два способа держать чужую валюту.

Первый: чужой банк открывает счёт у нас. Тогда это его деньги, лежащие на нашей территории, и такой счёт называется лоро. Лоро — это «их у нас».

Второй: мы открываем счёт у чужого банка. Тогда это наши деньги, лежащие на его территории, и такой счёт называется ностро. Ностро — это «наши у них».

— И знаешь, что в этом самое обидное? — продолжала она. — Все считают, что наши деньги лежат у них, а их лежат у нас, и от этого ничего не меняется. А меняется всё. Наши деньги у них — это наши деньги, за которые мы отвечаем и которых мы не видим. Их деньги у нас — это их деньги, за которые мы не отвечаем и которые мы видим каждый день.

— Людмила Сергеевна…

— Не перебивай, я разогрелась. — Пахарева подняла палец. — Ты нашла списание по ностро. Это значит одно из трёх. Первое: распоряжение ушло от нас и кто-то в филиале это распоряжение подписал. Второе: распоряжение ушло из головного офиса, и тогда наши не при чём. Третье: банк-корреспондент списал деньги сам, и тогда у нас в Цюрихе в течение недели будет скандал, потому что банки так делают

только за комиссию.

— Как узнать, что из трёх?

— По референсу. — Пахарева придвинула к себе ежедневник и что-то на нём написала, потом повернула к Асе. — У каждого сообщения есть номер. Наш референс, их референс, дата, время, ключ. Всё, привет. Иди к Бабенко, пусть поднимет отправку.

Ася не торопилась уходить.

— Людмила Сергеевна, а сколько наш ностро в Цюрихе?

Пахарева посмотрела на неё внимательно и вдруг улыбнулась — нехорошо, коротко.

— Вот это правильный вопрос. Ты спросила не «кто украл», ты спросила «сколько у нас там». — Она наклонилась. — Восемьсот двадцать тысяч. Вчера было два миллиона. Значит, миллион двести сорок взяли не из пустого места, а из нашего же остатка, и банк-корреспондент теперь каждый день будет спрашивать у нас, чем мы собираемся этот остаток наращивать, чтобы не встать в очередь на платёж.

— То есть мы не в убытке?

— Мы в упущении. — Пахарева взяла ручку обратно. — Погодина, у тебя паспорт сделки на этот платёж есть?

— Нет.

— Тогда у нас не упущение, — сказала она и опять начала писать. — Тогда у нас дырка.

СВИФТ в филиале стоит в отдельной комнате, потому что СВИФТ — это не компьютер, а допуск. Внутрь входят три

человека: начальник отдела, его заместитель и оператор, который сидит там по шесть часов в день и отправляет то, что ему дают.

Оператора зовут Артём Бабенко, ему двадцать семь, он пришёл в банк после армии и техникума, и с ним Ася всегда разговаривала быстро, потому что он не любил, когда в его комнате разговаривают медленно.

— Артём.

— Доброе, — сказал он и, не спрашивая, начал закрывать на экране одно окно за другим.

— Мне нужна отправка за вчера, вторая половина дня, все исходящие по ностро.

— Вчера после шести? — Он замер. — Насть, а что там?

— Я не знаю. Я поэтому и пришла.

Бабенко посидел, положил руки на стол и сказал негромко:

— У меня вчера вечером была одна отправка по ностро. В шесть тридцать один. Не моя смена, но я остался, потому что велели остаться. Я её не готовил, мне дали заполненное, я подставил ключ и отправил.

— Кто велел?

— Позвонили. По внутреннему.

— Кто звонил?

— Насть, я не знаю. Мне сказали «подготовь отправку, реквизиты ниже». Я подготовил. Потом пришёл человек, посмотрел на экран, сказал «пойдёт», я подставил ключ, от-

правил и всё. Я, когда отправляю, смотрю не на человека, я смотрю на реквизиты. У меня работа такая — реквизиты.

— Артём, — сказала Ася. — Ты можешь поднять распечатку?

Он замялся:

— Журнал отправки печатать не мой уровень. Я могу сделать выписку по сообщению. Но ты понимаешь, что это будет видно в аудите системы?

— Понимаю.

Бабенко посмотрел на неё, на дверь, потом на свои руки и всё-таки нажал две клавиши.

Принтер завыл, как маленький самолёт, и выплюнул лист.

В выписке было всё, что нужно: номер сообщения, референс наш и референс цюрихский, сумма, назначение, время с точностью до секунды. И ключ.

«КЛЮЧ ПОДПИСИ 7».

— Артём, что за ключ номер семь?

— Не знаю.

— Ты обязан знать.

— Я обязан знать свой ключ, — сказал Бабенко. — Мой ключ номер три. Номер семь в филиале не мой и не твой, он общий, он из списка ответственных. Хочешь знать — иди в бухгалтерию, там журнал ключей.

— Слушай, — сказала Ася. — А если я попрошу тебя поднять журнал…

— Нет, — быстро сказал Бабенко. — Насть, нет. Я тут си-

жу потому, что умею отправлять и молчать. Я могу тебе сказать, что было, но я не буду тебе говорить, кто. Пожалуйста, спроси у кого-нибудь, кто к этому отношения не имеет.

Он сказал это и, кажется, сам испугался, что сказал. Опустил глаза в экран и стал искать что-то, чего там не было.

Ася взяла лист и вышла.

Журнал ключей — это толстая книга в бухгалтерии, в ней написано, какой ключ электронной подписи кому выдан, по какому акту и до какого числа. Ключ — это не пароль и не пропуск. Ключ — это право. Пароль можно сказать товарищу, право сказать нельзя; право передают по акту, под подпись, и в акте стоит дата.

Главный бухгалтер филиала, Нелли Робертовна Гайдук, журнал дала, но смотрела при этом на Асю так, как смотрят на человека, который просит книгу не читать, а уносить.

Ключ подписи номер семь был выдан четырнадцатого сентября по акту, и в графе «получатель» стояло: «Операционное управление, для сообщений по ностро, ответственный — Пахарева Л. С.».

Ася прочитала это дважды.

Потом закрыла журнал, поблагодарила Нелли Робертовну и пошла к Пахаревой — уже не спеша, потому что в первый раз, в двадцать пятую, она шла спросить, а во второй раз, в тридцать сорок, шла уже утверждать.

— Сядь, — сказала Пахарева, когда Ася вошла.

Ася села.

— Показывай.

Ася положила на стол выписку по сообщению и раскрытый журнал ключей. Пахарева посмотрела на листы, потом на Асю, потом опять на листы, и лицо у неё стало не злым, а усталым.

— Ну и?

— Ключ номер семь закреплён за вами, Людмила Сергеевна.

— Ключ номер семь закреплён за операционным управлением, — сказала Пахарева ровно. — Дословно: за операционным управлением, для сообщений по ностро, ответственный — я. Всё.

— Значит, он ваш.

— Значит, я за него отвечаю. — Пахарева чуть подалась вперёд. — А ты за свой ключ отвечаешь? У тебя ключ номер двенадцать?

— Тринадцать.

— Тринадцать. И если завтра твоим тринадцатым ключом кто-то отправит платёж, ты мне тоже скажешь, что отправила ты?

Ася молчала.

— Вот и не надо. — Пахарева откинулась. — Слушай сюда, в двадцать пятый раз. Я подписываю ностро двадцать, сорок, иногда шестьдесят раз в день. Все наши платежи по ностро идут с одного ключа, потому что держать на каждый платёж отдельное право — это способ не работать вообще.

Ключ — это бумажная вставка в конверте, конверт лежит в моём сейфе.

— У вас серый сейф с кодовым замком.

— Именно. — Пахарева усмехнулась нехорошо. — Только не у меня одной. Он стоит в операционном управлении, а сейф операционного управления — это как холодильник на этаже: считать, что в нём лежит только твоё, может только дурак.

— Вчера после пяти кто-то мог его открыть?

— Вчера после пяти, — сказала Пахарева, — у нас с тобой вышла такая история: сообщение ушло в шесть тридцать одна, а я вчера уехала в шестнадцать двадцать, у меня была поликлиника, и в журнале ухода у меня стоит время, за которое я, если хочешь, могу расписаться ещё раз, но это будет уже моя третья подпись под одним и тем же фактом.

Ася вспомнила: в пятницу Пахарева весь день держалась за правый бок.

— Людмила Сергеевна, извините.

— Не извиняйся, — сказала Пахарева. — Извиняются за то, что сделали. Ты ничего не сделала, ты пришла с вопросом, на который нет ответа. Ты лучше сходи посмотри журнал вскрытий — вот это у нас ведут, — она написала на бумажке «журнал вскрытий сейфа, опер. упр., лист за 4.12» и подчеркнула, — и сходи до обеда, пока я добрая.

Журнал вскрытий лежал не в бухгалтерии, а в канцелярии, в комнате без окон, где стояли шкафы, набитые под-

шивками, и работала Лида, женщина, которая знала, где лежит всё, включая то, чего в банке никогда не было.

По журналу выходило так. Сейф операционного управления вскрывали четвёртого декабря один раз — в восемнадцать двадцать, «по служебной необходимости». В графе «вскрыл» стояла подпись, под ней расшифровка: «Оборин С. Д.».

Напротив, в графе «изъято», ничего не было написано. Лист шёл с пропущенной строкой. Один ряд клеток — и пустота, ровно такая, какая бывает у сейфа, из которого ничего не брали.

— Лида, — спросила Ася, — а вот когда сейф вскрывают, но ничего не изымают, они пишут что?

— Пишут «—», — сказала Лида. — Прямо прочерк ставят, чтобы было видно, что писали не в конце месяца.

— А тут не прочерк.

— А тут вообще ничего, — согласилась Лида. — Я тебе это подпишу, только ты меня в свидетели не бери, у меня ребёнок в музыкальной школе.

Сергей Дмитриевич Оборин, заместитель управляющего филиалом, куратор операционного блока, был человеком, которого в банке почти не видели. Он был в командировках: Москва, головной офис, обучение, банковские клубы, конференция по развитию сети. В филиале он появлялся, чтобы поставить две подписи и уехать, и про него говорили «наш человек в самолёте».

В четверть второго Ася поднялась на четвёртый этаж. Секретарь Оборина, девушка по имени Кристина, сказала, что Сергей Дмитриевич в Москве и будет в понедельник.

— Он вчера был?

— Вчера был, — сказала Кристина. — С утра до шести.

— А в шесть?

— В шесть он ушёл. — Она задумалась и добавила без всякой нужды: — Ему как раз машину подавали, князь приехал.

— Кто?

— Никто, — быстро сказала Кристина. — Мы так его называем. Не слушайте меня, я глупость сказала.

В коридоре между четвёртым и третьим Ася догнала Крамского, который шёл с папкой в сторону кассы.

— Станислав Эдуардович, можно два вопроса.

— У меня один. Ты почему на четвёртом? — Он посмотрел на неё и вдруг вздохнул. — Ладно. Пойдём ко мне, только у меня три минуты, а потом я уезжаю.

В кабинете он сел, открыл форточку, закурил, не зажигая света, потому что уже посветлело, и сказал:

— Говори коротко, без глаголов.

Ася сказала коротко.

Крамской слушал, смотрел в форточку и молчал так долго, что она успела испугаться, что он сейчас скажет «не лезь» и вопрос закроется навсегда.

— Знаешь, чем отличается подпись от человека? — ска-

зал он наконец. — Человек устаёт, ошибается, забывает, болеет. Подпись ничего из этого не делает. Подпись — это чистое право, и её нельзя подделать, поэтому её нельзя и потерять. Её можно только отдать.

— Или взять.

— Взять её нельзя, — сказал Крамской. — Можно взять ключ. Но ключ — это бумажка, а бумажка в конверте в сейфе. Если ты хочешь сказать мне, что кто-то вскрыл сейф операционного управления вечером четвёртого декабря, чтобы отправить миллион двести сорок тысяч евро по контракту, паспорт по которому закрыт, я тебе скажу одно: ты описываешь не ошибку. Ты описываешь решение. А решения в нашем банке принимают не в шесть тридцать вечера.

— А когда?

— Когда нужно, чтобы никто не видел, — сказал Крамской и затушил сигарету о подоконник. — Погодина, я уезжаю в область, буду завтра к вечеру. Ничего никому не подписывай. Ничего никуда не пересылай. Работай как обычно и записывай.

Он встал и посмотрел на неё уже почти мягко.

— И ещё. Ты в тетрадке пишешь?

— Пишу.

— Пиши в двух. Одну держи в столе, вторую — там, где не ищут.

Она не стала спрашивать, где не ищут. Ей показалось, что он и сам не знает.

В половине седьмого Оля Гунько, двадцати четырёх лет, вторая операционистка и человек, которому Ася верила процентов на восемьдесят, догнала её в раздевалке.

— Ась, ты не знаешь?

— Что я не знаю?

— Круглов. — Оля говорила полушёпотом, хотя в раздевалке было пусто. — Валерий Тимофеевич. Его сегодня весь день ко мне подходили спрашивать.

— Кто?

— Из внутреннего контроля звонили из Москвы. Два раза. Спрашивали, когда он последний раз был. Я сказала, что в среду. — Она помолчала. — Ася, я его видела в среду. Я в шесть с чем-то выходила, он шёл через парковку, с ним был пакет, зелёный, вот такой. — Она показала руками. — Огромный.

— Ты это кому-нибудь сказала?

— Сказала Розе Ивановне в охране, — сказала Оля. — Потому что он ночью с пакетом, я думала, у него дача.

Ася надела пальто и тут же сняла с вешалки шарф.

— Оля, а журнал вноса-выноса за среду есть?

— Ой. — Оля заморгала. — Мы его смотрели. Роза Ивановна показывала. Ась, там за среду страницы нет.

— Как нет?

— Вырвана, — сказала Оля. — Ровно одна, за четвертое. Она говорит, что её, наверное, Борис порвал, потому что он журнал на подоконнике держит и вырывает, чтобы не писать.

Только за среду он не работал, у него смена с пятницы.

Глава 3. Назначение платежа

В филиале есть место, куда никто не ходит по своей воле, и это подвал.

Подвал — это не склад. Это память банка, разложенная по номенклатуре дел. Здесь живут паспорта сделок закрытых контрактов, здесь стоят стеллажи с кредитными делами, здесь на каждой полке приклеен бумажный ярлык с номером, и на каждом ярлыке от руки дописано, кто последний раз брал дело, потому что порядок держится не на дисциплине, а на стыде.

Ася спустилась туда в четверг в десять утра с фонарём от старого сейфа — в подвале две лампы на восемь стеллажей, и обе дают свет, при котором удобно искать не то, что нужно, а то, что попадётся.

Лида шла с ней, потому что ключи от подвала были у Лиды.

— Ты ищи вот тут и тут, — сказала она, показав два стеллажа. — Валютные — левый, за седьмым годом. Только Настя, я тебе сразу скажу: если дела нет, это не значит, что его взяли. Если дела нет — это значит, что его ещё не положили.

— Его закрыли тридцатого ноября.

— Ну вот и я о том, — сказала Лида непонятно.

Папка была на месте.

Она стояла в третьей связке, между делом «Промметалл-

снаб» и делом «Сфера-Трейд», плотная, на веревочных завязках, с круглым голубым штампом на обложке и надписью от руки: «44-М. АКТИВНО». «Активно» на обложке значило, что дело не закончилось, что по нему ещё будут операции, и что списывать его в архив нельзя. Кто-то написал это слово синей ручкой, кто-то другой — поставил дату и подпись.

Ася села на низкую табуретку, положила папку на колени и открыла.

То, что должно быть в паспорте сделки, там было.

Заявление на открытие паспорта сделки — на двух листах, подпись директора, печать круглой формы, ИНН, ОКПО, адрес регистрации: «г. наш, ул. Северная, 14, комната 3».

Справка о регистрации, копия свидетельства, копия устава на семи листах, копия решения о назначении директора.

Договор.

Договор был именно копией: на каждом листе — серо-зелёная полоса копировальной машины, у которой сел тонер. Копия контракта на поставку металлолома между обществом с ограниченной ответственностью «Стройтранзит-Инвест» и компанией Riverton Investments Limited, зарегистрированной, как следовало из текста, на Британских Виргинских островах.

Восемь листов.

Листов было восемь, а пронумерованы они были на де-

сять.

Ася перелистнула ещё раз, потом ещё раз, потом пересчитала: первый, второй, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый.

Третьего и четвёртого листа не было.

На пятом листе стоял пункт «Общая сумма контракта» — один миллион двести сорок тысяч евро. На восьмом — «Условия поставки». На девятом — спецификация. На десятом — реквизиты, и реквизитов было пять: наш банк с корреспондентским счётом в Цюрихе, цюрихский банк, аккредитив, инкассо и «платёж по предъявлении».

А третий и четвёртый листы — те, на которых в любом контракте написано, чем платят, к какому сроку и кто имеет право заплатить, — отсутствовали.

Ася сидела в подвале, при свете одной лампы, и держала на коленях папку, в которой недоставало самой главной страницы.

Вот тут бы любому человеку остановиться.

Но она была не следователем и не журналистом, она была экономистом валютного отдела, и единственное, что она умела делать лучше многих в этом городе, — это сверять бумаги. А сверять недоставало не с чем.

Значит, надо было найти то, с чем.

Она вышла из валютного ряда и пошла в глубину, где за железной перегородкой стояли стеллажи кредитного архива. Туда она права не имела ходить: кредитные дела — не её

зона, у неё нет доступа, и если бы её там встретили, ей нечего было бы сказать.

Дверь в перегородке была прикрыта, но не заперта, потому что в подвал ходят только свои.

Ася вошла и включила свет.

Кредитные дела хранились по годам и по алфавиту, и «Стройтранзит-Инвест» должен был стоять в этом году, между «Стройсервисом» и «Стройтехмонтажом». Она нашла нужную полку, нашла место и не нашла дела.

А потом она посмотрела наверх.

Дело «Стройтранзит-Инвест» лежало на верхней полке, поперёк всех остальных, не по описи и не по алфавиту, — так, как кладут бумагу, которую принесли в подвал в шесть вечера и положили в первое место, где было пусто, потому что человек торопился.

Она сняла его, положила на стол для просмотра — фанерный, с зелёным сукном и следами от стакана, — и открыла.

Кредитный договор номер 41/07 от двенадцатого марта. Заёмщик — ООО «Стройтранзит-Инвест». Сумма — сорок миллионов рублей. Срок — двести семьдесят дней, то есть девять месяцев. Ставка — четырнадцать процентов годовых. Цель кредита — «пополнение оборотных средств».

Обеспечение.

Вот тут Ася и села уже по-настоящему.

Обеспечением по договору был залог векселей. Векселя серии КИ. Сорок две штуки по миллиону рублей каждая, с

дисконтом в восемь процентов от номинала, что давало залоговую стоимость тридцать восемь миллионов шестьсот сорок тысяч рублей.

Плюс поручительство ООО «Промметаллснаб», которое Ася в валютном отделе не видела никогда, потому что у него не было ни одного контракта, ни одной поставки, ни одного паспорта сделки. Поручитель-призрак. Поручитель, который существует ровно настолько, чтобы стоять в графе.

Но главное было в первой строке, в графе «вид обеспечения». Там было написано, чьи векселя.

АКБ «Кредитинвест». Наш банк. Серия КИ.

Ася прочитала это трижды, потому что человек, впервые понявший то, что поняла она, читает подобное трижды: сначала как фразу, потом как абзац, потом как приговор.

Банк выдал сорок миллионов рублей фирме, у которой нет ничего, и взял в обеспечение по этим сорока миллионам собственные векселя.

Вексель — это долговая расписка. Бумага, по которой тот, кто её выдал, обязан заплатить тому, кто её предъявит. Вексель удобен тем, что его можно продать; вексель опасен тем, что его можно продать, не сказав, сколько таких векселей уже на рынке.

Вексель банка — это долг банка. Не актив банка, не богатство банка, а именно долг: обязательство отдать деньги.

И вот эти самые долги банка лежали в залоге по кредиту, который банк выдал своими же деньгами.

Кредит, обеспеченный залогом собственных долгов, — это не кредит. Это запись в двух книгах: в одной написано, что деньги у тебя взяли, в другой — что ты сам себе обещал их вернуть.

И если это аккуратно пересчитать, то сорок миллионов рублей превращаются в ноль: деньги ушли, а обеспечение стоит ровно столько, сколько банк и так должен по этим векселям.

В залоге должно лежать то, что стоит денег само по себе. Залог — это не символ. Залог — это то, что ты можешь забрать и продать другому человеку, если твой должник исчезнет. Залог, который можно продать только тебе самому, — не залог. Это зеркало, поставленное напротив другого зеркала, где за бесконечным коридором ничего нет.

Ася сфотографировала листы. Фотоаппарат был плёночной мыльницей, которую она купила в две тысячи первом для практики в университете; на него снимать документы было неудобно, но снимать телефоном в подвале филиала ей не пришло в голову ни тогда, ни потом, и эта её осторожность через полгода спасла её от одного большого разговора.

Она сняла штук пятнадцать кадров, при каждом жужжании аппарата вздрагивая от того, что кто-то сейчас войдёт.

Потом она вернула дело на верхнюю полку, ровно поперёк, как оно лежало, вышла из перегородки, выключила свет и поправила валютную папку «44-М» на её законное место.

Перед тем как подняться наверх, она ещё раз раскрыла

валютную папку — и на десятом листе, в самом низу, под реквизитами, увидела оттиск круглой печати.

Печать была не наша. Наша — синяя, с квадратной рамкой и словом «филиал». У этой был герб и надпись по кругу, вытертая с одного бока ровно так, как вытирается то, чем пользуются каждый день двадцать лет.

Ася наклонилась и прочитала.

Оттиск был поставлен на десятом листе копии контракта — там, где полагается стоять отметке о легализации.

Круглая печать: «Консульский отдел. Торговое представительство». Дата — двадцать первое марта. Номер от руки — 0418/3. Подпись: короткая, с наклоном вправо, похожая на три буквы, из которых читается только первая — «К».

Ася знала, что такое легализация, но знала вяло, по институту: документы, которые едут через границу, должны быть удостоверены, потому что чужой чиновник не обязан верить бумаге с чужого стола.

Консульская легализация — это удостоверение. Консул не проверяет, правда ли написана в бумаге. Консул проверяет, что подпись на бумаге настоящая и что человек, который её поставил, действительно тот, кем назвался. Что в бумаге написана ерунда, консул не проверяет и по своему положению проверять не обязан.

Значит, на этой копии кто-то удостоверил, что директор «Стройтранзит-Инвеста» — тот самый человек, который подписал бумагу, которую принесли в консульский от-

дел двадцать первого марта.

Копия контракта, легализованная в консульском отделе торгового представительства, — для того чтобы её потом положили в папку паспорта сделки в филиале банка в областном городе. Внутрь страны. Для внутреннего пользования.

Ася поднялась из подвала, отдала Лиде ключи, поблагодарила и пошла к себе, и всю дорогу по лестнице у неё в голове крутилась одна простая мысль: консульское удостоверение нужно там, где бумага пересекает границу. Внутри страны оно не нужно никому. Значит, бумага собиралась пересечь границу — или уже пересекла.

В операционном зале в четверть двенадцатого было девять человек в очереди и один человек не в очереди.

Человек не в очереди сидел в кресле у окна, положив ногу на ногу, держал на коленях тонкую кожаную папку и разговаривал с Виктором Кузьмичом Ремезом, который стоял перед ним, слегка наклонившись, как наклоняются не от уважения, а от того, что тебе сказали: наклонись.

Человек был в сером пальто и в перстне, и пальто у него было такое, какое в этом городе зимой носят не для тепла, а чтобы было видно, что человек не мёрзнет.

Рядом, чуть в стороне, стоял второй — молодой, коротко стриженный, в куртке, с лицом человека, которому с детства говорили, что он симпатичный, и он этому поверил.

Ася узнала обоих.

Первого звали Григорий Львович Бурмистров, но в горо-

де его звали Гриша Бурый, и он был директором охранного предприятия «Ратник-С». Второго звали Саша Михельсон, и он был у Бурмистрова водителем, заместителем и, если верить слухам, кассиром.

Они приходили в банк раз в неделю, обычно в четверг, и никогда — с документами.

— Виктор Кузьмич, — говорил Бурый ровно, спокойно, тем голосом, каким люди объясняют своим детям, почему нельзя есть снег. — Мне надо не «в течение месяца». Мне надо, чтобы вы понимали: месяц — это моё слово, а не бумага. Бумагу мы подпишем, но бумага у нас — не главное. Главное — что мы с вами договорились. Мы договорились?

— Договорились, — сказал Ремез.

— Вот и хорошо, — сказал Бурый, встал, надел шапку, ни на кого не посмотрел и пошёл к выходу.

Михельсон пошёл за ним.

Проходя мимо стойки, Бурый обернулся к Асе — не потому, что знал её, а потому, что она стояла одна и смотрела на него прямо, а Бурый не любил, когда на него смотрят прямо, и всегда это замечал.

Он чуть склонил голову набок, как склоняют голову, разглядывая вывеску, и вышел.

Пахарева вышла из-за стойки и сказала вполголоса, ни к кому не обращаясь:

— Настя, иди к себе.

— А что это было?

— Это был вторник.

— Сегодня четверг.

— У них в банке свой вторник, — сказала Пахарева. — Иди. И вот что: когда они в зале, ты в зал не выходи.

— Почему?

— Потому что они считают, что кто в зал вышел, тот им что-то должен, — сказала Пахарева и пошла к клиентам, потому что очередь кончалась, а день только начинался.

В кассу валютного отдела, за которой тридцать один год сидела Клавдия Егоровна Ситникова, Ася зашла после обеда — за справкой по остатку, а осталась на полчаса, потому что Клавдия Егоровна умела говорить о работе так, что от её рассказов становилось неуютно и очень интересно.

— Ячейки в подвале? — переспросила Клавдия Егоровна, не перестав пересчитывать. — Сорок шесть у нас. Четыре человека ими пользуются.

— Кто?

— Ну зачем тебе кто. — Она посмотрела на Асю поверх очков. — Я тебе про другое скажу. Ты знаешь, чем ячейка отличается от счёта?

— Ячейка — это место для хранения ценностей. Счёт — это учёт денег.

— Ты институт закончила, а говоришь как институт, — сказала Клавдия Егоровна. — На счёте банк знает всё: сколько у тебя лежит, откуда пришло, куда ушло. А в ячейке банк не знает ничего.

Она отложила пачку и подняла палец.

— Банку это очень удобно. Потому что, во-первых, он берёт деньги за незнание. Во-вторых, если в ячейке что-то случится, он отвечает только за замок, а за содержимое не отвечает вообще. А в-третьих, — Клавдия Егоровна понизила голос, — деньги, которые лежат в ячейке, для банка не деньги. И для налогов это не деньги, и для проверки это не деньги, и в балансе они висят как коробка.

Она вернулась к пересчёту и добавила уже обычным голосом, будто говорила о погоде:

— У нас в подвале сорок первая ячейка. Её не сдают и не закрывают лет пять. И знаешь что? Я сорок лет считаю кассу. Я знаю, что если человек каждый четверг заходит в подвал с сумкой и выходит без сумки, а потом через неделю заходит с сумкой и выходит без неё, — то сорок первая ячейка не пустует. А я туда не смотрю и смотреть не буду. Я не хочу знать, сколько чужих денег у меня под ногами. Я хочу получать пенсию.

Ася задала последний вопрос, хотя уже понимала, что ответ она унесёт с собой на третий этаж и не отдаст никому:

— Клавдия Егоровна, а на каком счёте эти деньги, по-вашему, лежат у банка?

— Ни на каком, — сказала Клавдия Егоровна и улыбнулась совершенно спокойно. — В том-то и дело, девочка. Они лежат у банка внутри банка. Это называется залог? Нет. Это называется хранение? Нет. Это называется никак. А никак

— самая дорогая форма учёта, какую я за тридцать один год видела.

Вечером Ася сидела в автобусе, держалась за поручень в мокрой от снега перчатке и складывала цифры, как складывают в уме пасьянс.

Сорок миллионов рублей — кредит. Тридцать восемь миллионов шестьсот тысяч — залоговая стоимость векселей, то есть долгов, которые банк и так обязан будет заплатить, если их предъявят.

Один миллион двести сорок тысяч евро — платёж, ушедший четвёртого декабря из Цюриха. По курсу в тот день — примерно тридцать два с половиной миллиона рублей.

Один миллион двести сорок тысяч евро — цена контракта. Ровно столько же. Как под копирку.

Фирма «Стройтранзит-Инвест» зарегистрирована в комнате три. У неё нет ни сотрудников, ни площадки, ни техники, ни приёмки. Директор существует, подпись существует, документы легализованы. Кредит выдан в марте. В декабре деньги ушли за границу как оплата за металлолом, которого никто не видел. Залогом стоят долги самого банка. Поручителем — фирма, которой нет в валютной ведомости.

Это было не воровство.

Воровство — это когда берут то, чего нет. А здесь всё было: есть кредит, есть залог, есть контракт, есть платёж, есть подписи, есть печати, есть справки.

Нет только лома. Нет фирмы. И нет денег.

Автобус стоял на перекрёстке, мимо шли люди, и у всех у них в карманах были деньги, которых было ровно столько, сколько написано в ведомостях их собственных банков.

Глава 4. Инкассо

Юрист филиала Дмитрий Аркадьевич Мосин занимал кабинет на втором этаже, в котором всегда было две вещи: очень много бумаги и очень мало воздуха.

— Мосин, — сказал он, не отрываясь от чтения. — Слушаю.

— Дмитрий Аркадьевич, у меня вопрос по легализации.

— По чьей?

— По консульской. Оттиск консульского отдела на копии контракта. Что это значит юридически?

Мосин поднял голову, снял очки, протёр их о галстук и посмотрел на неё с некоторым интересом.

— Это значит, что кто-то потратил деньги, — сказал он. — Легализация стоит денег, времени и одного захода в консульский отдел. Заход стоит от ста рублей за документ, но заходов надо много, и никто не пойдёт их делать ради копии, которая тебе нужна для папки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.